

УДК 1:[2-1+2-277.2]

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СОИЗМЕРИМОСТЬ
ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА Ф. НИЦШЕ
И НОВЕЙШИХ КОНЦЕПЦИЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
И ЭТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ**

Мудраков В.В.

В статье освещаются основные современные тенденции мировоззренчески-философского характера, имеющие отношение к ницшеанскому философствованию. На примере философских исследований современных интеллектуалов Е. Макинтайра и М. Онфре взгляды Ф. Ницше интерпретируются как проекция современного философского дискурса.

Ключевые слова: постмодерн, современность, мировоззрение, методология, религиозность, этический дискурс, философский проект.

**THE METHODOLOGICAL CORRELATION BETWEEN
NIETZSCHE'S DISCOURSE OF PHILOSOPHY OF RELIGION AND
NEWEST RELIGIOSITY CONCEPTIONS AND ETHICAL PROGRAMS**

Mudrakov V.V.

The article highlights those ideological and philosophical trends, which have to do with Nietzsche's philosophizing. According to the philosophical studies of modern thinkers Michel Onfray and Alasdair Chalmers MacIntyre Nietzsche's views are interpreted as a projection of contemporary philosophical discourse.

Keywords: postmodern, contemporary epoch, world view, methodology, religiosity, ethical discourse, philosophical project.

Неординарность и оригинальность философско-религиозных исканий Ф. Ницше, утверждая современные попытки верификаций ценностей, и импульсируя пролог для новой стилистически модерновой мировоззренчески-философской эпохи постмодерна, также несут отзвук и в новейших его вариациях. Так, современные формации постмодернистской философии,

именуемые современными энциклопедистами *after*-постмодерном, по нашему мнению, содержат чаще имплицитно, а изредка явно, ницшеанские коннотации философии поиска в целом и этики с религией в частности.

Этому способствует, собственно, плюрализм методологии Ф. Ницше, который предполагает возможность использования различных методов, форм и способов, которые могут сочетаться между собой на принципах и основах дополнительности. Но, самое важное, этот плюрализм является продолжением самого себя, то есть этапом своего становления и, можно предположить, представляет собой истоки проекции современной гуманитарно-духовной парадигмы: постмодернизм – практическое воплощение старта, его современные версии (*after*-постмодернизм) – продолжение как попытка программного обеспечения качественных изменений мировоззренческих ориентаций. Иначе говоря, проект Ф. Ницше объективируется двоякими явлениями современного дискурса (Проектом Ф. Ницше мы именуем его «концепцию религиозности» [см. 4]).

С одной стороны, «начало» постмодерна является трансгрессивные выходом за пределы диалектики. С другой стороны, «зрелый» постмодерн отчасти тяготеет к возвращению в эти пределы. Начиная как трансгрессия «мифа о модерне», постмодерн заканчивает как новое мифотворчество [1, с. 309]. Гипотеза об экстраполяции ницшеанской программы как действия определенных тенденций современного философско-этического дискурса находит поддержку и подтверждение в философских размышлениях Дж. Ваттимо [см. 2], а подкрепляется словам П. Слотердайка: «... постмодерн не может быть пока что понятием эпохи с притязанием на историко-философскую субстанциальность, но только указателем на усиление рефлексии. То, что здесь усиливается вместе с рефлексией, есть, однако, лишь отрезвляющее действие размышления. Постмодернистская рефлексивность не ведет на вершину, с которой высокоразвитое сознание могло бы синтетически и вполне насмотреться на свое время. Широкие воззрения, поперечные разрезы, панорамы – кому бы они не понравились, а вместе с ними и опьянение

связностью, переживание вершины, схватывающее свое время в мысли? Но там, где сегодня мышление внимательно к самому себе, там ему не до вершин, оно остается постмыслительным, посткульминативным, оно оспаривает былые фантазии восхождения, в соответствии с которыми процессы социальной и логической реальности должны были быть охарактеризованы с помощью прогрессивных высокогорных метафор» [8, S. 263]. Оно также содержит потенциал генерирования содержания и решения основной проблемы нынешней философии – *after*-постмодернизма – «кризиса идентификации», через «воскрешение субъекта».

Итак, мы попытаемся отследить те тенденции современного этического и философско-религиозного дискурса, которые или опираются на философское наследие Ф. Ницше, или вступают с ним в полемику, то есть отследить их методологическую соизмеримость.

Начинаниями такого дела можно считать, этико-философские разработки современного американского исследователя Э. Макинтайра, который разворачивает свое исследование в контексте жанра философско-идеологической борьбы-дискуссии философов, о назначении и человека. Он вносит в атмосферу современных интеллектуальных соревнований благородный дух моральной традиции путем переосмысления ницшеанского тезауруса и противопоставлением ему аристотелевской позиции. Свою задачу он определяет так: «... я только должен показать, как мораль стала пригодной для определенного типа использования и ее действительно так используют» [3, с. 166]. С уверенностью можно говорить, что позиция Э. Макинтайра становится шагом, который характерен для современного философско-этического науковедения, свидетельством чего является ключевая часть его тезиса: «современный моральный дискурс и практику можно понять только как серию фрагментарных остатков прошлого и как нерешенные проблемы, которые они создают для современных теоретиков морали, останутся нерешенными, пока последние это должным образом не поймут» [3, с. 167]. Причиной этого, философ считает недостаточную активность в программном

обеспечении духовно-нравственной философии, отмечая: «когда ресурсы культуры слишком бедны, чтобы выполнить задание переистолкования, задача обоснования оказывается неразрешимой» [3, с. 169].

По нашему мнению, данное утверждение Э. Макинтайра возникает скорее свидетельством специфики постмодернистских методологий, чем констатацией их философского «бесплодия». Впрочем, как одни, так и другие воплощают проект модерна – реформатирование этико-религиозной опоры духовного контента человека современности.

В своих философско-методологических принципах философ приветствует генеалогический анализ Ф. Ницше: «Единственной истинной теории может быть та, которая показывает... их недоступность, *то есть правил* (курсив – *В.М.*), для рационального постижения – в том состоянии, в котором они находились на данный момент времени... Только определенный тип исторического описания даст нам то, в чем мы нуждаемся» [3, с. 170]. Более того, «как только те, – пишет Э. Макинтайр – кто погружен в бюрократическую культуру нашего времени, пытаются самостоятельно осмыслить нравственные основы того, чем они есть, и что они делают, они открывают скрытые ницшеанские предпосылки» [3, с. 172]. Однако, цель философии Э. Макинтайра – желание предложить программу «идеального» общественного устройства, обрамляется частичным согласованием стратегии трансформации психологии мышления, в частности потенциально практических ее воплощений. Это и проблема ценностно-смысловой денотации и референции, где появляется проблема понимания как реконструкции исходного смысла текста и, как пишет сам философ, где «контраст между кажущимся значением и смыслом наших высказываний, и их фактическим использованием, между поверхностной презентацией поведения и стратегиями, которые используют, чтобы достичь этой презентации» [3, с. 173].

То есть, для Э. Макинтайра ключевой вопрос заключается в том, как построить совершенно самобытным способом и как изобрести новую скрижаль того, что возникает добром и законом, и эта проблема, стоит отметить,

становится перед каждым индивидом. При условиях этико-религиозного декаданса вообще и в пострелигиозном потоке постоянных метаморфоз сегодня. Это (как первое, так и прогноз на второе), собственно, составляло сердцевину ницшеанской моральной философии, поскольку именно «в неослабно серьезном прослеживании этой проблемы, а не в легкомысленных решениях, заключается величие Ницше, величие, которое делает его настоящим моральным философом [3, с. 171-172]. Несмотря на это, по мнению Э. Макинтайра, Ф. Ницше дает нам ключевые теоретические формулировки современного общественного строя, но то, что они так четко описывают, – это широкомасштабные и господствующие черты современного социального пейзажа, только замысел, который уступает своей прагматичностью этике Аристотеля [см. 3, с. 172-173; 379-383]. Это обусловлено, как нам представляется, не совсем исчерпывающим пониманием и корреляцией последнего с концептами «воли к власти» как движущего механизма всей философской системы Ф. Ницше и «сверхчеловека» как этапа морально-этического развития.

Несмотря на все, с одной стороны, – Ф. Ницше довольно удачно очерчивает путь преодоления морального хаоса и беспорядка через возрождение глубинной этики добродетелей, присущих ей реальных критериев блага и совершенства, а с другой – оставляет пространство для дополнений и интерпретаций, задавая ритм новым разработкам современного дискурса, только уже в несколько иных смысловых тональностях.

Так, современный французский философ-эссеист М. Онфре восстанавливает и по-новому раскрывает методологическую предикативность философии Ф. Ницше путем актуализации «слишком человеческих» недостатков и страстей современного человека в контексте проблемы принципов и функциональности семантики этико-религиозного сегмента. Философ, апеллируя к модерну и деконструктивным методикам постмодерна, реанимирует значение смыслов (первый аспект) как необходимость проявления их настоящей ненужности (второй аспект) для настоящего. Первый аспект

разворачивается так: «смерть Бога, – пишет он, – была онтологической хитростью, фокусом иллюзиониста. Она была созвучна XX веку, который видел смерть где угодно: смерть искусства, смерть философии, смерть метафизики, смерть романа, смерть тональной музыки, смерть политики. Сегодня стоит провозгласить наконец смерть всех этих фиктивных смертей... Смерть Бога вызвала обвальный наплыв сакрального, божественного, религиозного ...» [5, с. 33].

Второй аспект М. Онфре разворачивает как «искривленный» ницшеанец, указывая, однако, на актуальность и потенциал философии своего великого предшественника: «его дионисийский монизм, логика сил, генеалогический метод, атеистическая этика позволяют предсказать судьбу христианства. Впервые в западноевропейском пейзаже возникает радикальная постхристианское высокообразованное мнение», которое «составляет слишком существенную опасность для приземленных обывателей ...» [5, с. 49], – предостерегает француз. Прибегая к переоценке ценностей Ф. Ницше, он не провозглашает это целью в себе. Фиксация отмены власти Бога возникает, собственно, стартом иной морали, новой этики, абсолютно неизвестных ценностей – это позволяет осуществить и преодолеть атеизм и нигилизм. Это глубоко осознает М. Онфре, эксплицируя ситуацию как «интересный проект для будущих поколений» [5, с. 50], который пришло время реализовать в своих трактовках-переживаниях, придерживаясь его установок. «Быть ницшеанцем означает мыслить, отталкиваясь от него, именно оттуда, откуда площадка философии была перестроена после его работы... Надо прислушиваться к Ницше, но идти дальше... Быть ницшеанцем означает предлагать альтернативные, свежие, постницшеанские гипотезы, но привлекая к ним его борьбу на горных верховьях» [5, с. 50] – борьбу в плоскости, которую называют пострелигиозной ситуацией. Последнюю М. Онфре трактует как один из периодов религиозно-философского развития вообще. «Сейчас мы подступает к ... – постхристианскому континенту ...», основными характеристиками которого являются «тот самый нигилизм, тот самый страх, и то самое динамическое

взаимодействие между консерватизмом, реакционным соблазном, желанием прошлого, религией недвижимости и прогрессизмом, позитивизмом, привкусом будущего. Религия играет философскую роль ностальгии, а философия заглядывает в будущее» [5, с. 53]. Однако, «постхристианский континент» становится лишь одним из шагов к полному проявлению сути пострелигиозности как таковой, поскольку сейчас определяющей еще есть «иудео-христианская эпистема».

Итак, эпоха, при которой мы живем, является ни атеистической, ни совсем постхристианской, хотя и некоторые признаки постхристианства в ней имеются, а выступает, скорее, необходимостью проявления попыток выработки, «шлифовки» и утверждение новых эпистем, путем привлечения и учета самых разнообразных мировоззренчески-смысловых факторов, поскольку «постхристианскую этику невозможно создать только благодаря светскому и философском заимствованию, сохранению и использованию библейских ценностей» [5, с. 58-59].

Несмотря на все, очерченный процесс потребует изменение проекции эпистемы, соответственно, перенос морали на другую платформу – не нигилистическую, а постхристианскую. Для этого «Онфре разрабатывает последовательный и разносторонний проект современной философии гедонизма для двадцать первого века» [7, с. 13], – называя его – атеология.

«Сейчас стоит нацелиться на то, – пишет М. Онфре, – что Делез называет *спокойным атеизмом*. То есть нам нужно не так статическое «отрицание» или "борьба с Богом", а скорее динамический метод, который дает положительную предложение после борьбы. Отрицание Бога – не цель, а средство для разработки постхристианской или откровенно светской этики... Задача ... – отделить мораль от трансценденции: благо не нуждается в Боге, небе или разумном обосновании, оно самодостаточно и возникает из имманентной необходимости» [5, с. 66]. Не согласился с этим бы Т. Рэнч. Он считает, что вопрос такой этического веса «не может получить критической ответы по ссылке на определенные смыслы жизни или на определенные объективные

предданности онтологического или институционального толка» [6, с. 220]. Он предлагает взамен новую «конституцию нравственности» на основе антропологического прочтения этики. Возвращаясь к М. Онфре, А. Репа эксплицирует: «Ни Библия, ни Коран, – отвечает философ. Он имеет смелость утверждать, что это – ложная дилемма, тупик. Взамен атеология позволяет конструировать другой простор для мысли и жизни. Она, в конце концов, есть возвращенным ментальным здоровьем» [7, с. 15]. Поэтому, первичная задача для атеологии это деконструкция монотеизмов, демифологизация иудео-христианства и ислама – разоблачить преступления теократии. Следующим шагом будет «формулировка новой этики и создание новых условий для настоящей постхристианской морали на Западе – нравственности, для которой тело не является наказанием, земля – юдолью слез, эта жизнь – катастрофой, удовольствие – грехом, женщина – проклятием, ум – признаком самодовольства, физическая радость – билетом в ад» [5, с. 70].

Стоит заметить, что кроме «реконструкции монотеизмов» и «демонтажа теократии», критика религии для М. Онфре не является целью в себе, чем, собственно, проект атеологии отличается от «обычного» атеизма, это скорее средство для обретения перспектив реализации и их потенциалов дальнейшего действия новой постхристианской морали, этики и философии политики религии. Философ выделяет несколько стимулов развития «своей концепции религиозности» – на почве чистой, как того хотел Ф. Ницше, имманентности: «Философия, Разум, Полезность, Прагматизм, индивидуальный и общественный Гедонизм» [5, с. 67]. Планируется, что гедонистический симбиоз, легитимизируя всю интерсубъективность, будет предопределять мнение и действие и, конечно, устранил трансцендентные обязанности и всевозможные санкции.

Таким образом, как Э. Макинтайр, так и М. Онфре, находясь в рамках современной неклассической философско-гуманитарной парадигмы, становятся генераторами и популяризаторами (каждый по-своему) проницшеанских идей, «внушая надежду» в субъект, признавая зависимость методов познания от

свойств, особенностей и задач, его концептуальных ориентаций и ракурсов подхода к действительности. Кроме этого, такой контекст дает основания утверждать о поливекторности трансформаций парадигм современной философии.

Итак, ницшеанские философские взгляды становятся механизмами идейно-мировоззренческих сдвигов и, собственно, фундаментальным вектором трансформации парадигмальных установок постмодернизма, по крайней мере на современном этапе его развития, реализуемых через новые интерпретации.

Список литературы:

1. Андреева Е. От постмодерна к пост постмодерну / Е. Андреева // Какой модерн? Философские рефлексии над ситуацией пост/недо/after-post/пост-пост... модернизма: коллект. моногр. – В 2 т. / под. ред. Л.В. Стародубцевой. – Т. 1. – Х.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2010. – С. 300-315.

2. Ваттимо Дж. После христианства / Джанни Ваттимо [пер. с итал. Д.В. Новиков]. – М.: Три квадрата, 2007. – 160 с.

3. Макінтайр Е. Після чесноти: Дослідження з теорії моралі / Е. Макінтайр [пер. з англ.]. – К.: Дух і літера, 2002. – 436 с.

4. Мудраков В.В. Ценностно-методологические аспекты концептуализации философских проектов в мировоззренческих и ментальных трансформациях: новые интерпретации философии Ф. Ницше [Электронный ресурс] / В.В. Мудраков // *Studia Humanitatis*. – 2015. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/node/347> (дата обращения: 17.06.2016).

5. Онфре М. Трактат атеології. Фізика метафізики / М. Онфре [пер. з фр. та наук ред. А. Репи]. – К.: Ніка-Центр, 2010. – 216 с.

6. Ренч Т. Конституція моральності. Трансцендентальна антропологія і практична філософія / Т. Ренч [пер. з нім. В. Приходька]. – К.: Дух і літера, 2010. – 348 с.

7. Рєпа А. Ni Dieu, ni maitre... / А. Рєпа // Онфре М. Трактат атеології. Фізика метафізики [пер. з фр. та наук ред. А. Рєпи.]. – К.: Ніка-Центр, 2010. – 216 с.

8. Sloterdijk P. Nach der Geschichte / P. Sloterdijk // Wege aus der Moderne: Schlusstexte der Postmoderne-Diskussion / Hrsg. von Wolfgang Iser. Mit Beitr. von J. Baudrillard... – durchges. Aufl. – Berlin: Akad. Verl., 1994. – S. 262-273.

Сведения об авторе:

Мудраков Виталий Викторович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и политологии Хмельницкого национального университета (Хмельницкий, Украина).

Data about the author:

Mudrakov Vitaly Viktorovich – Candidate of Philosophical Sciences, lecturer of Philosophy and Political Science Department, Khmelnytskyi National University (Khmelnytskyi, Ukraine).

E-mail: vitaly.mudrakov@gmail.com.